

просто не ставятся. В эпоху принципиального плюрализма и релятивизма нельзя себе представить не только философию, утверждающую существование абсолютной истины, но даже философию, серьёзно занятую её поиском, иначе как одну из языковых игр в ряду множества подобных. Гуссерль, как мне кажется, на такую роль никогда бы не согласился, он был слишком серьёзным исследователем, «добывателем истины». Возможно, именно эта серьёзность, отсутствие свойственной постмодернизму самоиронии и не позволили феноменологии пережить свою эпоху и стать современной философией.

Сусоев М. В.

Эдмунд Гуссерль и его "Картезианские размышления"

"Картезианские размышления" Э. Гуссерля представляют собой вполне закономерный этап как в развитии системы феноменологической философии, построением которой занимается Гуссерль, так и в общей традиции философствования (традиции построения трансцендентальной философии, в частности).

Сам Гуссерль задает возможность рассмотрения его работы с таких позиций. С одной стороны, негласно: самой логикой построения феноменологии, последовательным развитием идей, взятых на рассмотрение в других его работах, таких например, как его идея о структурах и функциях сознания (его интенциональности, в частности) или идея об аподиктически-достоверном основании знания и т.п. проблем, которые открываются при более тщательном рассмотрении. С другой стороны, подобный подход к "Картезианским размышлениям" открывается благодаря указанию самого Гуссерля на фигуру Декарта, что можно считать отправным пунктом в исследовании того, какое место позиция Гуссерля занимает в традиции.

Основной вопрос "Картезианских размышлений", точнее проблема, которую надлежит решить, - это вопрос об аподиктически-достоверном основании знания. В качестве отправного пункта в деле решения этого вопроса мы можем рассматривать призыв Гуссерля к полной реформе философии, которая, преобразовав ее в науку, дала бы ей некие абсолютные основания; призыв, подобный тому, какой делает Декарт в своих "Размышлениях", да и всякий, кто так или иначе стоит на позициях трансцендентальной философии.

Гуссерль, полагая в качестве революционной и преобразующей дисциплины феноменологию, которая должна дать метод преобразования и в некотором смысле сама стать таким основанием, будучи учением о трансцендентальном эго, наиболее близок в решении этого вопроса к тому решению, которое дает Гегель. Так в "Науке логики" Гегель пишет, что чистая наука предполагает освобождение от противоположности сознания и его предмета. При этом эта наука, содержит в себе мысль, поскольку мысль есть также и вещь сама по себе, или содержит ее, поскольку вещь есть также и чистая мысль. Параллелизм такой постановки вопроса с гуссерлевской очевиден, поскольку трансцендентальная феноменология посредством трансцендентально-феноменологической редукции устраняет, прежде всего, установку научного сознания, ориентированную на жесткое разведение субъективной видимости и объективной реальности. Указанная редукция снимает вопрос о различии между фактом и иллюзией.

Трансцендентная сознанию сторона вещей, при этом, как бы "возвращается" сознанию, поскольку на предельно общем уровне субъективности вообще нет ничего трансцендентного. Гуссерль в истолковании этого предельного уровня сознания - трансцендентального эго - не случайно обращается к лейбницеvскому термину "монада", содержащему в себе указание на свернутый в единицу универсум или тождество объективной и субъективной сторон реальности.

Согласно концепции Гуссерля работа феноменолога заключается в указании пути к чистому Я и сопровождается выявлением структуры самого сознания, а также неких чистых понятийных систем, определяющих смысл и генезис понятий, служащих основанием для фактических наук. Развертывание этой системы понятий, по мнению Гуссерля, представляет собой некое "развертывание универсального априори", которое врождено трансцендентальному эго и является общезначимым основанием. Основание усматривается в самом чистом Я. Хотя это основание, представленное в ходе изложения как абсолютное, заставляет усомниться в реальности осуществления проекта реконструкции философии в качестве науки, поскольку здесь усматривается противоречие, вытекающее из вопроса об общезначимости и действительной абсолютности такого основания.

Упущение изначального указания на тождество субъективной и объективной сторон в трансцендентальном эго, безусловно, вызывает обвинения в солипсизме, вполне обоснованные, если остановить анализ на определенном этапе трансцендентальной феноменологии - этапе трансцендентального солипсизма, к которому приводит последовательное проведение процедур "заключения в скобки", и где сознание остается наедине с собой.

Гуссерль так же, как и его предшественники, в построении своей системы пытается преодолеть солипсизм и выдвигает идею интересубъективности. Удостоверяющий ее акт аналогизирующей аппрезентации, конечно, вызывает некоторые сомнения, касающиеся заключений о существовании других чистых Я. Но аппрезентация указывает лишь на возможность общения этих Я. Достоверность их существования вытекает не из акта аппрезентации, а из установки на существование предельно-личностного уровня субъекта. Вопрос же состоит в том, что дойти до этого уровня я могу только сам и в себе. Интересубъективный мир, по Гуссерлю, строго центрирован: одна из монад (а именно - моя монада) является центральной. Факт общения других монад с этой центральной монадой делает знание о существовании их чистого Я для нее очевидным, хотя и опосредованным, в отличие от непосредственного знания о ее собственном чистом Я.

Альтернативные решения этого вопроса, данные Лейбницем, который утвердил существование "монады всех монад", Декартом, которым в качестве варианта решения этого вопроса дал онтологическое доказательство бытия Бога, или Гегелем, который также утверждает существование абсолютного духа, не удовлетворяют Гуссерля так же, как и кантовское решение, которое основывается на весьма туманных утверждениях о существовании вещи, которая есть сама по себе. Хотя и его решение, путь, следовать которому предлагает Гуссерль, может вызвать сомнения в силу того, что само это следование понимается им как глубоко личное и индивидуальное занятие. Вполне уместным был бы здесь вопрос о том, возможен ли вообще поиск каких-либо предельных оснований вне такой установки.

В заключении хочется отметить, что трансцендентальная феноменология Гуссерля является достойной частью в целом, являющим собой традицию европейской метафизики. Безусловно, феноменология дает интересное решение тех вопросов, которые метафизика ставила и ставит перед собой. И это решение интересует нас так же, как решения в рамках концепций других философов, так или иначе, вписавших себя в традицию.

Макаенко Я.А.

Рецензия на книгу «Философия и логика Львовско-варшавской школы».

В 1999 году в Москве в издательстве «Российская политическая энциклопедия» вышла книга «Философия и логика Львовско-Варшавской школы». В условиях неуклонно возрастающего интереса к этому крупнейшему философскому содружеству XX века, который, похоже, уже составляет характерную черту постсоветского периода развития русской логики и научной философии, значение этой книги гораздо легче недооценить, чем переоценить. Без особых оглядок можно утверждать, что именно здесь впервые достигается достаточно целостное и рельефное представление основных аспектов философской деятельности крупнейших польских логиков. Это достоинство данного сборника многократно умножается тем обстоятельством, что подавляющее большинство представленных здесь материалов на русском языке опубликовано впервые. Конечно, львовско-варшавская школа объединяла не только философствующих логиков и математиков, и даже философские интересы этих последних не ограничивались только тем, что на Западе иногда называют «философской логикой». Однако, разумно ли сетовать на то, что в сборник не включены работы, скажем, В. Витвицкого или З. Завирского, или же на то, что результаты польской школы метаэтики или польской философии науки представлены в мастерском, но, увы, слишком кратком и носящем по преимуществу вводный характер изложении Я. Лукасевича и Т. Чежевского? Все эти пробелы, несомненно, должны быть устранены, но попытка заполнить их посредством одного издания равносильна попытке пальцем заткнуть пробойну «Титаника».

Эту книгу нельзя прочитать взмахом и единым махом так, чтобы сохранить при этом целостность понимания. Каждый из представленных в сборнике мыслителей – это интеллектуальный континент, каждое лицо здесь заслуживает того, чтобы пристальнее взглянуть в его черты. Каждая из представленных работ – это определенный урок из области чистого мышления, ведущий, при внимательном прочтении соответствующего текста, к значительному улучшению интеллектуальных навыков читателя. Таким образом, в своей совокупности эти тексты образуют уникальную школу философствования, которую стоит пройти каждому, кто всерьез намерен заняться философией как интеллектуальным упражнением, а не в качестве попытки соединения чужих мнений с собственными предрассудками. Позитивный эффект данной книги усиливается тем обстоятельством, что философские концепции современных русских логиков (укажем, к примеру, на концепцию научной философии крупнейшего московского логика В. А. Смирнова) обнаруживают неоспоримое идейное и генетическое родство со взглядами на структуру подлинно научной философии, присущими представителям львовско-варшавской школы. Да и не только русские логики находились и находятся под ее влиянием; многие философы и логики,